

Александр Эртель

Визгуновская экономика

Александр Иванович Эртель

Визгуновская экономия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=661755

А. И. Эртель. Избранное: М.; 2011

Аннотация

«Богатая усадьба тянулась своими конюшнями, сараями и службами по крутому берегу реки; в конце усадьбы мрачно высился старый двухэтажный дом, с которого местами уж начинала обваливаться штукатурка; за домом раскинулся сад и, наконец, за садом, отделяясь от него маленькой ложбинкой, виднелось гумно, со всех сторон обнесенное плетнем. Огромная рига, длиннейшие амбары, бесчисленные скирды хлеба и ометы старой и новой соломы, – все доказывало, что „Визгуновская экономия“ точно была экономия не бедная...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

20

Александр Иванович Эртель

Визгуновская экономия

Бушуют ли зимние свирепые выюги, гремят ли молодые весенние грозы, зноем ли пышет летнее солнце, – люблю я тебя, родная природа...

Люблю – необозримую степную гладь, занесенную сугробами, мутное, низкое небо и тоскливое завывание метели, когда она буйно мечется и плещет холодными волнами в плотные стенки кибитки... Жалобно и прерывисто звенит колокольчик, пристяжные тревожно всхрапывают и жмутся к оглоблям, а ямщик лениво помахивает кнутом и чуть слышно мурлычет:

Не белы-то снежки
Во поле забелелися...

Тепло в уютной кибитке. Клонит ко сну. Тихой вереницею плывут кроткие думы... Ласково реют милые образы... А выюга гудит и гудит.

Люблю – весенний лепет тенистой рощи, заботливый гам грачей, мечтательные переливы иволги и серебристые трели соловья... поля и степи, одетые цветами, крик коростеля в лугах и звонкую песню жаворонка в высоком, синем небе...

Люблю – теплые, долгие зори, кротко и тихо мерцающие в ночном небе, громкие песни, стоном стоящие над ближним селом и заунывным отзвуком замирающие вдали... И мечты и грезы...

И жаркое лето люблю я. Люблю, когда под знойным июльским ветерком сонливо шевелится и лепечет ржаное поле, сладострастно млеющее в раскаленном воздухе, а золотистые волны бегут и струятся по нем горячими бликами... Когда назойливо стрекочат кузнечики, редко и лениво перекликаются перепела, слышится тяжкий лязг косы и в туманной дали дрожит марево...

Но когда наступит пора увядания, когда в похолодневшем небе загорится осеннее солнце, поблекнут поля и в лесах замелькает желтый лист, когда пышно зардеет рябина и с дальнего севера потянутся журавли, – тогда печальное, но вместе с тем и величавое великолепие степной природы заставляет забывать меня и дикий разгул метели «во чистом поле», и торжественное ликование весны, и знойную пору лета...

Ясно и сухо. Сентябрьское солнце ярко пронизывает прозрачный и жидкий воздух. Оно уже не жжет это солнце, как жгло еще в августе, не разливает утомительного зноя, а только блестит и сверкает холодным, ослепительным сверканием. Небо, бледно-голубое и высокое, – безоблачно. Над полями ползет и волнуется паутина – признак установившейся погоды. Иногда, в полдень, где-нибудь на полускате, эта паутина кажется кисеей, сотканной из матового серебра; ве-

чером, при солнечном закате, она походит на легкий мягко-золотистый туман. Сухой и неподвижный воздух полон какою-то крепкой прохладой и тем особенным, едва уловимым запахом увядания, который свойствен умирающей природе. При малейшем дуновении ветерка запах этот усиливается; тогда вам кажется, что в прохладном воздухе, вместе с тихим и ласковым веянием ветра, проносятся какие-то изумительно тонкие наркотические струйки.

Боже, как хорош этот осенний воздух!.. Правда, вместе с ним ваша грудь не вдыхает опьяняющего благоухания весенних полей и лесов; она не упивается «сытным» запахом поспевающей ржи – подобным запаху спирта – и медовым ароматом цветущей гречихи, которыми насыщен воздух раннего лета, но зато ни летнего зноя, стесняющего дыхание, ни проникающей весенней сырости вы не ощутите в нем. Едва заметный ветерок погожей осени, – ветерок, проносящийся по умирающим садам и лесам, по сухим, щетинистым жнивам и поблекшим степям, – вносит в вашу грудь одну только здоровую и крепкую свежесть, от которой вам становится легко и свободно, как птице...

То же чувство свободы (хотя и с примесью какой-то тихо щемящей тоски) еще сильнее и неотразимее обнимет вас, когда с какого-нибудь одинокого кургана пред вашими глазами во всем своем унылом и строгом величии развернется степная даль.

Пустынные жнива, потопленные в золотистых лучах низ-

кого солнца, бесконечными равнинами уходят во все стороны горизонта... Редко однообразный вид этих равнин перемежится яркой полосой веселых озимей, пестрым стадом, лениво разбредшимся по вольным кормам, – покривившимся стогом, сиротливо торчащим где-нибудь на краю окладыны, или одиноким бакчевным куренем, в котором хозяин, юркий мещанин с подстриженной рыжей бородкой, жесткой как проволока, и в длиннополом «демикотоновом» сюртуке, поджидает покупателей на редьку и свеклу...

Все тихо и беззвучно. Не прощечечет малиновка, не зальется страстным треньканьем перепел, не рассыплется жаворонок серебристыми трелями... Редко-редко дикий и пронзительный клехт жадного коршуна, неподвижно реющего в небе, нарушит эту тишину, или неведомо откуда донесутся до вас мерные и торжественные звуки, подобные звукам трубы. То в страшной, почти недоступной глазу высоте протянули журавли... Но звуки слабеют мало-помалу... замирают... и опять все тихо... Иногда по гладкой, точно отполированной дороге проскрипит, пробираясь к ближнему базару, воз с рожью или просом, печально протянется мужицкая песня, оборвется сердитым «ну, ты, кляча!», и снова тихо... Сверкает небо. Золотится жниво. Блестит дорога.

Над деревнями стоит стон от мерных и частых ударов цепа. В барских ригах гудят молотилки и гремят веялки. Стаи голубей шумно «гуртуют» и хлопотливо перелетают по гумнам. Визгливые воробьи то и дело переносятся с обобран-

ных конопляников к полуразрушенному плетню, на котором торжественно возносятся к небу мужицкие посконные штаны с заплатами на коленях и праздничная бабья рубаха, — а с плетня опять на конопляники. Крикливые скворцы темными тучами реют над камышом, производя шум, подобный шуму ветра. Оживленный говор, смех и ругань стоят в воздухе. В садах пышно созревает рябина и нежная липа тихо роняет свои мягкие листья, устлая ими когда-то тенистые аллеи. Солнце косыми лучами своими ярко и свободно пронизывает теперь эти аллеи и болезненно-желтыми пятнами переливается по облетевшей листве...

В такую погожую пору не сидится на хуторе, и я очень обрадовался, когда один из моих столичных знакомых попросил меня съездить в какой-нибудь из конских заводов, которыми так богата наша прибитюкская сторона, и купить для него хорошую «городскую» лошадь.

У меня домолачивали рожь. Мой неизменный возница, Михайло, в красной «французской» рубахе (как и подобает кучеру, привилегированному человеку в хозяйстве), с длинными вилами в руках, оправлял на омете солому, которую бабы втаскивали туда на носилках. Это занятие ему, видимо, нравилось. Да и немудрено: его красная рубаха часто исчезала в ворохе соломы, и тогда оттуда вырывался пронзительный бабий визг, слышалась крупная ругань и звенел здоровый, оглушительный смех, прерываемый веселыми возгласами: «Садани его носилкой-то, черта!.. Ошарашь его по спи-

не-то!», после чего бабы сходили с омета, весело пересмеиваясь и оправляя сбитые на сторону платки, а Михайло, как ни в чем не бывало, усердно принимался за работу.

На мой зов он отозвался сердито и неохотно.

– Слезай-ка, слезай! – повторил я, – будет с бабами-то возиться!

Он медлительно слез с омета и, лениво переваливаясь с ноги на ногу, подошел ко мне, на ходу отирая рукавом обильно струившийся с лица пот. В его непокрытой, лохматой голове настряла солома, локоть рубашки был прорван, около уха виднелась свежая царапина; но, несмотря на такие несомненные признаки утомительной работы, лицо его добродушно ухмылялось.

– Чего вам? – спросил он.

– Подмажь-ка тележку да запрягай: в Визгуновку поедem. Визгуновка – имение коннозаводчика Чечоткина.

Добродушное выражение сразу сбегало с лица Михайлы.

– В Визгуновку? – чрезвычайно серьезно протянул он, делая недоумевающую физиономию и рассеянно опуская руку, которой только что размазал грязь на щеке.

– В Визгуновку.

– Это за Битюк, альник?

– Туда.

Михайло запустил руку в затылок и, после непродолжительного раздумья, с унылостью произнес:

– Ведь, почитай, сорок верст до Визгуновки-то!

– Пожалуй что и сорок, – хладнокровно ответил я. Он сокрушительно вздохнул и, взглянув на меня исподлобья, медлительно отошел к вороху мякины, около которого долго и пристально искал чего-то, сурово сдвинувши брови; наконец нашел какой-то темный предмет, сердито потрянул им, отчего в воздухе появилось целое облако пыли, озабоченно повертел его в руках и, вероятно уверившись, что это точно шапка, глубоко надвинул ее на голову, не забывая в то же время обругать баб, носивших мякину, за то, что будто бы они спрятали шапку. После этого он направился к сараю, где стояла тележка. Но пробыл он там недолго. Не успел я перекинуть несколько слов с Семеном (моим старостою и ключником, и всем, что хотите), как Михайло, на этот раз уже причесанный (хотя все еще не умытый) и одетый в свой парадный дубленый полушубок, опять стоял около меня.

– Ехать некуда, Миколай Василич, – степенно и решительно доложил он мне.

– Как некуда, что ты городишь? – удивился я.

– Некуда-с... Дрожина одна не надежна.

Я было хотел рассердиться, но вовремя догадался в чем дело.

– Ничего, доедем.

– По мне как угодно... Воля ваша... Ну только дрожина вряд ли выдержит... Тоже дорога не близкая. Да и колесо заднее... – Михайло замялся.

– Ну, что же колесо? – нетерпеливо спросил я.

– Тоже, как будто... Спицы словно маленечко хрустят... Потронешь ее, колесо-то, ну, они и хрустят... – Он сделал рукою так, как будто потрогал колесо.

Я только было разинул рот, чтоб ответить, как Михайло, вероятно боясь моего возражения, поспешно добавил:

– И опять – Орлик!.. Как на ём поедешь?.. Никак на ём ехать нельзя того и гляди раскуется... Дорога-то – камень!

– Приведи его сюда.

Михайло удивленно вскинул на меня глазами, и, сообразив, что медлить уже не приходится, частой, деловой походкой затрусил к конюшне.

Явился Орлик. Смотрел, смотрел я ему на подковы – ну точно сейчас из кузни...

– Где же ты нашел тут слабую подкову?

– А вот погодите... я – враз! – засуетился и зачастил Михайло: – эй, Наум! а Наум! – закричал он, – поддержи-кось поди жеребца!

Наум, длинный и неуклюжий парень, поспешно бросил вилы, которыми подавал снопы, робко приблизился к Орлику и крепко вцепился обеими руками под самые уздцы, отчего смирный Орлик сердито взмахнул головой и попятился задом. Михайло торопливо скинул полушубок и, бросив его на землю, с озабоченным лицом подошел к Орлику, который все пятился и храпел. Наум, красный как рак, все крепче и крепче тянул его за повод.

– Эх ты, ворона, – презрительно кричал Михайло сконфу-

женному Науму, прямая ворона!.. ишь, ручища-то растопырил... Чего заробел-то!.. У, сиволап, черт... Отпусти поводья-то... Что, у тебя руки-то отсохли, что ли!.. Эка, не справится...

Наконец, после долгой возни и ожесточенной ругани, Орлик успокоился. Михайло ухарски сдвинул набекрень шапку, и, отчаянно махнув рукою, как бы желая сказать: «Э, была не была! Двух смертей не бывать, одной не миновать», приступил к ноге Орлика. Орлик, разумеется, преспокойно дал поднять ее. Вообще он был чрезвычайно смирен, и если вызвал такие воинственные подходы со стороны Михайлы, то только благодаря бабам, глазевшим на всю эту сцену и простодушно удивлявшимся Михайлиной храбрости и отваге.

– Ну, где же тут слабая подкова? – спросил я.

Михайло, не преминув еще несколько раз обругать несчастного Наума, положил копыто лошади к себе на колено, долго и глубокомысленно ковырял это копыто и, наконец, озабоченно произнес, указывая мне на подкову:

– Извольте поглядеть – вот, ишь, как стонилась!.. Чуть что перешибется, и сейчас в раковину... Вот извольте поглядеть!.. Тоже лошадь окалечить недолго... Как еще недолго-то! – враз... А опосля-то и жалко ее... Теперь ежели ехать куда, – как на ей поедешь?.. Одно слово искалечить! – и он, тяжело отдуваясь, опустил ногу.

Но – увы! – все его хитроумные подходы пропали даром.

В тот же день мы выехали в Визгуновку, и ни дрожина, ни колесо, ни подкова не изменили нам во всю дорогу. Михайло злился. Всю дорогу он что-то ворчал и шептал, всю дорогу мрачно посматривал по сторонам и сердито дергал вожжой шаловливую пристяжную. Со мной он не сказал ни одного слова и, уж подъезжая к визгуновской усадьбе, красиво белевшей на гористом берегу узкой и чистой речки, угрюмо проронил:

– На барский двор держать-то?

Впрочем, это тревожное состояние духа не помешало ему с надлежащим шиком подкатить к конторе, безобразный фронтон которой указал нам какой-то кривой и лысенький человек, сидевший на мосту с удочкой.

У крыльца конторы нас встретил чрезвычайно расторопный старичок, низенький и сгорбленный, с густой серой щетиной на бороде и отвислых щеках, с клочками седых волос, аккуратно зачесанными на виски, и с огромною связкою ключей в руках. Он посмотрел на меня из-под руки, проворно снял высокий плисовый картуз, похожий больше на подушку, чем на картуз, и с достоинством поклонился.

– Дома управляющий? – спросил я, не вылезая из тележки.

– Управителя у нас нету-с, – старчески шепелявя, ответил старичок, подходя к тележке, – вам для какой надобности?.. Может, приказчик требуется? приказчик есть... А чтоб управителя – нет, нету-с.

– Ну, приказчик, – это все равно: мне нужно лошадь купить.

– Тэ-эк-с... – старичок сожалительно чмокнул губами. – Есть у нас приказчик, есть... Ерофей Васильев... Только теперь он в отъезде-с...

– Ах, какая досада! Как же быть-то?

– А вы вот что-с! – заторопился старичок, суетливо запахивая свой длинный сюртук, по всей вероятности перешедший на его утлое тело с дебелого барского плеча, – вы прикажите лошадок-то на красный двор двинуть-с, там и кормочку им выдадут, а сами-то в контору пожалуйте-с...

– Да когда приедет-то он?

– Это вы насчет Ерофея Васильева изволите спрашивать? – осведомился старичок, почтительно покашливая и опять впадая в сожалительный тон, – а не могу знать... не могу-с... Да мы вот что-с, – снова оживился он, кучерку-то прикажите убрать лошадок-то, а сами-то извольте на гумно прогуляться... Я, пожалуй, и провожу вас до гумна-то, тут неподалеку оно, за садом... Там мы и спросим-с... Там сын приказчиков-то, Пармен... ну, мы у него и спросим...

Я согласился. Старичок торопливо забежал за угол конторы и, неистово махая картузом, закричал:

– Эй, Орех... Орех!.. Беги проворней... беги сюда, Орех!.. Э, какой ты, погляжу я на тебя...

На этот зов явился человек, действительно имеющий некоторое сходство с орехом.

– Проводи-ка ты, Орех, ихнего кучера на красный двор, – внушительно и строго приказал ему старичок, – пусть он лошадей-то под лопас¹ постановит, а декипажец хоть в жеребятник задвиньте... Он теперь пустой, жеребятник-то, вы в него и задвиньте. Да Евтею Синегачему скажи, чтоб овса дал... Да чтоб он, Синегачий-то, пусть не мудрил бы, скажи... Скажи, Пантей, мол, Антипыч, приказал... Слышишь?.. Ну, пожалуйста, сударь! – обратился он ко мне, и только что я успел вылезть из тележки, а молчаливый Орех – усесться на мое место, как неугомонный старик уже опять кричал:

– Анфиса, Анфиса... Пошли оттуда Симку-то!.. Посылай ее, шельму, проворнее... В конторе никого нету... Скажи ей, бестии, Пантей, мол, Антипыч приказал...

– Пожалуйста, сударь, сюда!.. осторожнее, ишь ступеньки-то у нас... – И он предупредительно поддержал меня под локоть, когда я поднимался на высокое крыльцо конторы, – пожалуйста направо-с! – И, проводив меня до двери, он опять выскочил на крыльцо и снова закричал сердитым, хриповатым баском:

– Эй, Кузька!.. не ты, Дудочкин, а Жучок Кузька... Кузька Жучок! куда пошел-то, оглох, что ли... Скажи Артему-караульщику, чтоб он за водой сходил... Слышишь?.. На самовар мол... Скажи ему, пускай к ключу сходит... а? слышишь, что ль? Пантей Антипыч, мол, приказал... Да пусть проворнее

---

¹ Навес. (Прим. автора.)

бежит-то!.. Да Симку там пошли из людской... Гони ее от-туда в шею, бестию!.. А?.. Гони ее!.. Эка непутевая баба!..

– Что вы так беспокоитесь? – спросил я Пантея Антипыча, когда он, отирая с лысины пот и тяжело отдуваясь, вошел в контору.

– Помилуйте-с, какое беспокойство!.. Что же это такое будет, ежели покупателя не привечать-с... Да вот с народом-то беда-с! – И он опять хлопотливо побежал на крыльцо, с которого долго еще доносилось до меня его старческое брюзжание, имевшее своим предметом все ту же «бестию Симку».

Наконец явилась и Симка, толстая и неповоротливая баба, с нахмуренными бровями и сердитым взглядом. Принес хроменький Артем-караульщик и воду из ключа, а через полчаса самовар уже кипел на столе и Пантей Антипыч наливал мне чай, цветом подобный черному пиву, а вкусом... Ну, бог его там знает, чему он был подобен вкусом. Старичок, помимо своей уважительности, оказался до крайности словоохотливым.

– Барин-то ваш не живет в имении? – спросил я.

– Никак нет-с. Наезжать изволят, а чтоб жить – нет, не живет-с... Ну, да сами изволите знать-с, что им за неволя-с!..

– Где же он живет?

– А вот изволите видеть – Ниция какая-то есть, ну, так в этой самой Ниции они и изволят иметь пребывание... Уж не могу вам доложить, город ли эта Ниция, или иное что...

– Неужели лучше ему там? – заметил я, – имение у него

богатое, кажется...

– О господи ты, боже мой! – воскликнул старик, – богатейшая экономия-с... Ну, да-сами изволите посудить: заграница какая-нибудь там или наша глушь... Ведь тут медвежий угол, можно сказать-с!.. Ни соседства благородного, ни чтоб развлечений каких... Как же можно-с!.. – Пантей Антипыч замолчал, кропотливо отгрызая сахар.

– Как положение вышло-с, так они и изволили отбыть, – продолжал он, допив блюдечко и аппетитно почмокивая губами, – прежде, конечно, не то-с!.. прежде и в деревне, можно сказать, та же заграница была-с... Ну, а теперь... Что делать-с!.. Теперь, ежели по-настоящему судить-с, так им и занятийев здесь нету...

– Как нет занятий?

– Да так-с... Хозяйство ежели – они в этом не могут... Службу проходить, вот как иные господа по земству, – тоже по их чину не приходится: они ведь тайный советник, все равно теперь как полный генерал-с! – Пантей Антипыч горделиво вздернул голову и с чувством собственного достоинства посмотрел на меня – знай-де наших!

– Вы крепостный были? – спросил я у него.

– Так точно-с. Как же-с! в старину дворецким состоял-с, – горько усмехнулся старик, – а теперь вот на старости лет пришлось ключи таскать, у кучера в подначале быть-с... Ведь Ерофей-то Васильев кучером ездal, конфиденциальным. полушепотом сообщил он мне, – гужеед, можно ска-

зять, а вот подите-с!

Пантей Антипыч сокрушительно вздохнул, нервно поправил свои виски и затем язвительно произнес:

– Вы вот извольте, сударь, поглядеть на него... Как был гужеедом-с, так и остался... Обнаковенно – наше дело постороннее-с, но ежели по-божески рассудить – совсем пустой человек-с!

– Чем же он пустой? – поинтересовался я.

– Да как вам доложить, – ну, и винцом зашибает, и... Да не так-с, не так-с!.. служить у господ надобно не так-с, – вдруг загорячился Пантей Антипыч, – он здесь приказчиком числится, а в Тамлыке у него трактир-с! Да еще дом купил на прошлой неделе... Разве это слуга?.. Сами посудите-с!.. Нешто так можно господам служить?.. Помилуйте-с!.. Нет, ежели служить-с, так служи: издыхай тут при месте... А то трактиры-с!..

Пантей Антипыч с негодованием выплеснул из стакана остаток чая и, после непродолжительного молчания, уже печально и тихо добавил:

– Нет-с, нету по нонешному времени настоящего усердия к господам... Всякий вот норовит все себе да себе, а господа хошь по миру пойди, ему дела мало!.. Хошь по миру пойди!

Он грустно развел руками и опять поправил височки.

– Что же барин-то смотрит? – спросил я, снова направляя разговор на приказчика.

– Помилуйте-с, где же им!.. доносить ежели – ну, не вся-

кий согласится... А самим и невозможно-с, чтоб досмотреть... Ну, и у барыни он в милости, Ерофей-то Васильев, это правду надо сказать, что в милости... В старину-то он с ними все кучером ездal-с, с генеральшею-то, вот они к нему и привержены-с...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания